

Е. Ф. Синельникова

Научные общества Петрограда и революция 1917 года

*Синельникова
Елена Федоровна*
канд. ист. наук,
ученый секретарь,
Санкт-Петербургский
филиал Института
истории
естествознания
и техники
им. С. И. Вавилова
РАН
(Санкт-Петербург,
Россия)

Введение. Наука в дореволюционной России была сосредоточена в Академии наук, университетах, других высших учебных заведениях, немногочисленных комиссиях и комитетах, а также в научных обществах. Революция 1917 г. изменила направление развития отечественной науки. Преобразования, происходившие в Академии наук и университетах после Февральской и Октябрьской революций, создание первых исследовательских институтов, изменение политических взглядов и настроений ученых в 1917 г. изучались многими исследователями¹. В частности, в работах известного историка науки Э. И. Колчинского анализировались реакция академического сообщества на революционные события, взаимоотношения Академии наук с меняющейся властью, опыт выживания академической науки в 1917 г.²

Научные общества, являясь традиционной и достаточно эффективной формой самоорганизации ученых, занимали важное место в системе дореволюционной отечественной науки, способствуя формированию профессионального научного сообщества и повышению уровня общественной активности ученых, а также играли значимую роль в укреплении международных научных связей. Тем не менее опыт их существования в 1917 г. специально не изучался. Более того, исследования, по-

священные истории отдельных научных обществ, носят преимущественно коммеморативный характер и написаны представителями области науки, которая соответствует специализации того или иного научного общества, но не историками³.

Цель настоящей статьи — показать, как научные общества адаптировались к функционированию в условиях острого социально-политического и экономического кризиса. Кроме того, будет прослежено, какие изменения происходили во взаимоотношениях власти и научных обществ в 1917 г., как революционные события отразились на численности общества и количестве членов в них, какими были формы и направления деятельности обществ, их научный быт в 1917 г.

Мобилизация науки и научные общества накануне революции. Начавшаяся в июле 1914 г. Первая мировая война сказалась на положении науки в стране. Война подтачивала материальную базу научных исследований. Из-за инфляции полученных ассигнований не хватало для обеспечения нормальных условий работы ученых, для закупки книг и необходимого оборудования, а также на текущий ремонт зданий и на другие хозяйственные нужды. Несмотря на все трудности, ученые с большим энтузиазмом включились в процесс мобилизации науки, что, в частности, выражалось в создании новых исследовательских учреждений и структур (преимущественно прикладного характера) в уже существующих организациях. Так, в 1915 г. по инициативе А. С. Фаминцына и В. И. Вернадского при Академии наук была создана Комиссия по изучению естественных производительных сил России (далее — КЕПС). В ее состав вошли представители практически всех отраслей естественных наук, инженеры, ученые-гуманитарии, военные, чиновники, работники оборонных предприятий, специалисты по сельскому хозяйству и рыболовству. Центральное место в работе КЕПС занимали проблемы обеспечения фронта и тыла стратегическим сырьем. КЕПС развивалась как новая форма организации комплексных научных исследований, финансируемых разными правительственными учреждениями⁴.

Научные общества с самого начала войны также активно включились в процесс мобилизации страны. В соответствии со своим профилем они выдвигали проекты, направленные на удовлетворение потребностей фронта и тыла. Так, Вольное экономическое общество создало Особую комиссию для борьбы с дезорганизацией экономики и оказания помощи жертвам войны. В свою очередь, Московское общество сельского хозяйства инициировало всероссийский сбор средств на закупку семян и продуктов для сельских жителей в зоне боевых действий, для эвакуации племенного скота, для вывоза инвентаря и машин из западных губерний, для обеспечения крестьян сельскохозяйственным оборудованием, химическими удобрениями и т. д. Императорское русское техническое общество предложило свою программу развития отечественной промышленности⁵.

В годы Первой мировой войны в столице Российской империи успешно работали как городские (Петроградское медицинское общество, Петроградское отоларингологическое общество, Философское общество при

Петроградском университете и др.), так и крупные всероссийские общества, среди которых достаточно упомянуть Императорское русское географическое общество, Императорское Петроградское общество естествоиспытателей природы при Петроградском университете, Императорское русское историческое общество.

Невзирая на войну, в стране продолжался процесс институционализации науки, что выражалось в том числе в появлении новых научных обществ, в первую очередь в Петрограде. В частности, при Императорской академии наук в конце 1915 г. «в целях научного объединения русских ботаников» было создано Русское ботаническое общество⁶. В конце января 1916 г. реализовалась наконец идея создания Петроградского общества рентгенологов и радиологов, которая появилась еще в 1913 г. Практически одновременно с этим, 9 февраля 1916 г., был зарегистрирован устав Русского палеонтологического общества, состоявшего из геологов, палеонтологов, зоологов и ботаников. В конце предреволюционного года, 16 ноября, министр народного просвещения П. Н. Игнатьев утвердил устав Общества российских физиологов им. И. М. Сеченова.

Однако масштабному включению научных обществ в мобилизацию промышленности и сельского хозяйства препятствовал сохранившийся с довоенных лет приоритет патерналистских методов управления перед правовыми, который был еще более обоснован в условиях военного времени. Сдерживая развитие гражданского общества в мирное время, в условиях поражений и нарастающего недовольства он вел к конфронтации власти и научного сообщества, искажая вектор модернизационного процесса, обуславливая в конечном счете протекание этого процесса по наиболее радикальному варианту и сползание страны в революцию⁷.

Реакция научных обществ на революционные события. Российская интеллигенция, в том числе научная, с большим энтузиазмом встретила Февральскую революцию. 4 марта 1917 г. руководство Академии в обращении к Временному правительству заверяло, что Академия готова предоставить «правительству, пользующемуся доверием народа, те знания и средства, какими она может служить России»⁸.

В научных обществах Петрограда также царил воодушевление. Так, на первом же собрании Русского общества любителей мироведения, состоявшемся после низложения царской власти, известный русский астроном Д. О. Святский сообщил о «ряде приветствий, поступивших в общество на имя председателя Н. А. Морозова по случаю совершившегося в России государственного переворота»⁹. Николай Александрович Морозов был известным «борцом за свободу», революционером-народником, который долгие годы провел в заключении в Петропавловской и в Шлиссельбургской крепостях. Когда Н. А. Морозов прибыл на это же заседание общества, «собрание устроило бурную овацию»¹⁰.

Однако не все ученые были столь восторженны; напротив, переживаемые события вызывали беспокойство. Так, президент Русского ботанического общества академик И. П. Бородин писал: «Время очень тревожное... Что будет?»

Поживем — увидим, но на душе не весело»¹¹; «Надо быть большим оптимистом, чтобы спокойно смотреть в глаза даже ближайшему будущему»¹².

События октября 1917 г. сначала не нашли отклика в среде научных обществ. В протоколах собраний научных обществ в первые месяцы после Октябрьской революции практически полностью отсутствуют какие-либо упоминания о произошедшей смене власти. Вероятно, это объясняется тем, что для большинства жителей Петрограда данные события остались почти незамеченными, так как никаких демонстраций на улицах не происходило. Не приходится сомневаться в справедливости утверждения известного публициста А. С. Изгоева: «Захват власти большевиками 25 октября в первые дни не произвел на широкие круги Петроградского населения никакого впечатления»¹³. Впрочем, и во многих регионах страны понимание всей значимости произошедших в столице событий пришло далеко не сразу.

Интеллигенция не верила в долговечность успеха большевиков, и многие надеялись на скорую нормализацию политической обстановки в стране.

Академия наук — главное научное учреждение России, обладающее бесспорным авторитетом в ученом сообществе, — не приняла Октябрьскую революцию. Первое Общее собрание после захвата власти большевиками, состоявшееся 4 ноября, было посвящено рутинным делам, и произошедшее никак не обсуждалось. В течение следующих недель академики не высказывались относительно новой власти, но 18 ноября 1917 г. состоялось экстраординарное Общее собрание, на котором А. П. Карпинский сделал заявление: «Ввиду того что произошедшие события угрожают гибелью стране, необходимо, чтобы Российская академия наук не молчала в такое исключительное время»¹⁴. На собрании была создана комиссия для подготовки специального обращения в связи с произошедшими событиями. 21 ноября 1917 г., на следующем экстраординарном Общем собрании Академии, А. С. Лаппо-Данилевский зачитал текст обращения. В нем, в частности, говорилось: «Великое бедствие постигло Россию... Россия не заслужила такого позора: всенародная воля вручает ответственное решение ее судеб Учредительному собранию»¹⁵. На этом собрании академик В. А. Стеклов предложил «бросить раз навсегда нелепые разговоры о протестах и спокойно продолжать деловую ученую работу»¹⁶. Действительно, далее создания этого документа в своей конфронтации с большевиками академики не пошли. В академической среде стало преобладать мнение о необходимости сотрудничества с новой властью. Как отмечает известный историк науки В. С. Соболев, «решающую роль в определении позиции Академии сыграло глубокое понимание учеными того, что без государственных бюджетных ассигнований существование академической науки невозможно»¹⁷. Также, по мнению Э. И. Колчинского, «финансово-экономическое принуждение срабатывало сильнее, чем политическое давление»¹⁸. Таким образом, ученые полностью отстранились от политики, вернувшись к своей повседневной работе.

Примечательно, что и научные общества, в руководящие органы которых входили многие академики, также не сразу отреагировали на Октябрьскую революцию. Например, Общее собрание Русского общества любителей мирозведения состоялось на следующий день после революции, 27 октября 1917 г.

Заседание, включавшее три научных доклада, было рядовым. Тем не менее на нем присутствовали только 15 человек (14 действительных членов общества и 1 член-корреспондент)¹⁹. Гостей на этом собрании не было, в отличие от предыдущих шести собраний в 1917 г., где гостей было от 10 до 22, а общее количество присутствующих составляло от 32 до 50 чел. Однако уже в следующем заседании 26 ноября 1917 г., которое состоялось в дневное время, несмотря на то что это был понедельник, происходило обсуждение проекта нового устава. Заседание постановило: «Принимая во внимание, что в условиях настоящего момента регистрация намеченных изменений устава в законном порядке вряд ли представляется возможной, собрание, постановляя принять новую редакцию к руководству с начала 1918 г., полагало пока повременить с печатанием устава, ограничившись помещением в отчет за 1917 г. выдержек из наиболее существенных параграфов»²⁰. Примечательно, что на последнем собрании в революционном году, 10 декабря 1917 г., в почетные члены по предложению Совета общества была избрана графиня С. В. Панина, «учредительница первой в Петрограде общедоступной обсерватории в Народном Лиговском Доме»²¹. В тот же день, как отмечается в декабрьском выпуске «Известий Русского общества любителей мироведения» за 1917 г., она «была присуждена военно-революционным трибуналом захватчиков власти “к общественному порицанию”»²². Это можно считать первым оценочным суждением о произошедшей революции, выраженным данным научным обществом.

Другие общественные организации ученых не были столь прямолинейны в своих оценках. На годичном собрании Русского ботанического общества, состоявшемся 2 февраля 1918 г., его президент, выдающийся ботаник И. П. Бородин, произнес «краткую речь, в которой коснулся переживаемых тяжелых событий, отразившихся на деятельности общества, причем призвал присутствующих сохранять самое важное — бодрость духа»²³. Однако в данном случае речь, вероятно, идет о разгоне большевиками Учредительного собрания и появлении первых признаков военного противостояния, нежели об Октябрьской революции.

Таким образом, можно сделать вывод, что революционные события 1917 г. членами научных обществ воспринимались неоднозначно. Тем не менее в приоритете у ученых находилась планомерная научная работа, поэтому выбор был сделан в пользу сотрудничества с властью, так как зависимость от государственных субсидий в условиях кризиса оказывалась неизбежной. Все усилия руководителей научных обществ в первые послереволюционные годы направлялись на обеспечение условий деятельности этих общественных организаций.

Научные общества в новых политических условиях. Большую часть революционного года у власти в стране находилось Временное правительство. Мероприятия, проводимые им как в научной, так и в общественной сферах, непосредственно влияли на деятельность научных обществ.

После Февральской революции пересмотру подверглись взаимоотношения власти и науки. Началась демократизация Академии наук: в мае был впервые избран, а не назначен президент Академии наук — А. П. Карпинский,

а в опубликованном вскоре в новой редакции Уставе РАН декларировалось устранение сословных и национальных привилегий²⁴.

Одним из проявлений процесса демократизации стало создание 14 апреля 1917 г. при Министерстве народного просвещения Комиссии по ученым учреждениям и предприятиям под председательством академика В. И. Вернадского²⁵. Комиссия разрабатывала различные новые организационно-правовые документы, которые должны были регулировать деятельность науки в новых политических условиях; обсуждались штаты научных учреждений и обществ, а также пути обеспечения их хозяйственных потребностей и др.²⁶ Собирались сведения о научных учреждениях и организациях²⁷, которые затем легли в основу издаваемых Комиссией справочников. До 1 ноября 1917 г. Комиссия провела 23 заседания и 4 совместных собрания с представителями Академии наук по вопросу об организации съезда представителей научных обществ и учреждений²⁸. Примечательно, что на этот съезд, который решено было организовать в Москве, планировали пригласить представителей следующих петроградских научных обществ: Российского минералогического общества, Русского географического общества, Общества естествоиспытателей при Петроградском университете, Русского технического общества, Общества изучения Сибири, Медицинского общества, Русского общества хирургов им. Пирогова, Русского общества охраны народного здоровья, Петроградского центрального сельскохозяйственного общества, Северного сельскохозяйственного общества, Юридического общества при Петроградском университете, Вольного экономического общества, Русского исторического общества²⁹. Анализ деятельности Комиссии показывает, что научные общества рассматривались как полноправные элементы будущей системы организации науки.

Кроме того, Временное правительство привлекало представителей научных обществ в качестве экспертов. Например, в заседании 5 мая 1917 г. министр путей сообщения предложил создать Особый временный комитет по делам частных железных дорог, в состав которого предполагалось пригласить в том числе представителей совета Вольного экономического общества и VIII отдела Русского технического общества³⁰. Кроме того, на заключение Русского географического общества было передано предложение Министерства иностранных дел «о присвоении более отвечающих современному положению России» «Земли императора Николая II» и «Острова цесаревича Алексея»³¹. В «постоянный состав» Центрального врачебно-санитарного совета были включены представители Общества русских врачей им. Н. И. Пирогова³². В Экономический совет при Временном правительстве, созданный для выработки общего плана при организации народного хозяйства и труда, а также для разработки законопроектов и общих мер по регулированию хозяйственной жизни, также входили члены Вольного экономического общества, Русского технического общества и Общества им. А. И. Чупрова для разработки общественных наук³³.

Примечательно, что после Октябрьской революции подобная практика сохранилась. Так, представители Русского технического общества входили в состав Центрального совета экспертов, который был создан в январе 1918 г. в системе Высшего совета народного хозяйства для координации прикладных

научно-технических работ в промышленности³⁴. Русское энтомологическое общество вело общую консультативную деятельность по разным вопросам³⁵. Русское археологическое общество привлекалось для работы в Совещании по библиотечному делу³⁶, а также участвовало в сентябре 1918 г. в рассмотрении проектов по реставрации церквей и других сооружений³⁷.

После Февральской революции преобразованиям подверглась и общественная сфера. Модель взаимоотношения государства и общественных организаций, сложившаяся в начале XX в., была заменена новой. Вековые чаяния интеллигенции реализовались в нескольких законодательных актах Временного правительства. 12 апреля 1917 г. было утверждено постановление «О собраниях и союзах», согласно которому «все без исключения российские граждане имеют право, без особого на то разрешения, образовывать общества и союзы в целях, не противоречащих уголовным законам»³⁸. Обществам также разрешалось «объединяться с другими обществами и союзами и устанавливать постоянные сношения с общественными и иными организациями»³⁹. Все эти нововведения носили подлинно демократический характер.

Принципиальное отличие от предшествующих Временных правил от 4 марта 1906 г., которые также были созданы в результате революционных событий, заключалось в том, что теперь закрыть общество можно было только по суду и «лишь в том случае, если деятельность его оказалась направленною к достижению целей, воспрещенных уголовными законами»⁴⁰.

Порядок регистрации обществ и союзов определялся особым постановлением Временного правительства⁴¹, опубликованным 19 июля 1917 г. Так, заявление для регистрации общества следовало подавать теперь в окружной суд, причем вопрос о регистрации решался в судебном заседании, после чего общество вносилось в реестр. На вынесение решения о регистрации или об отказе в ней отводился один месяц. Отказ в регистрации должен был содержать точное указание статей закона, которым устав не соответствует, и изъяснение, в чем именно это несоответствие заключается. При отказе жалоба должна была подаваться теперь не в Первый департамент Сената, а в Судебную палату, которая опять же в течение месяца решала вопрос. В случае отказа и со стороны палаты можно было пожаловаться в Гражданский департамент Правительствующего сената, который, как и раньше, выступал как последняя инстанция. Важно, что, согласно этому постановлению, все делопроизводство по регистрации обществ и союзов было «открыто для обозрения всех желающих». Одна из частей постановления, касавшаяся регистрационных отделов при окружных судах, представляла собой подробнейшую инструкцию по делопроизводству и определяла правила ведения реестра общественных организаций⁴².

Еще одним проявлением демократических принципов Временного правительства стало снятие возрастных и всех иных ограничений на членство в обществах, а также открытость для ознакомления со всеми материалами по их регистрации.

Несмотря на серьезные изменения правовой основы создания и функционирования обществ, Временное правительство не стало проводить кампанию

по перерегистрации уже существовавших общественных организаций. В соответствии с новым законодательством должны были регистрироваться только вновь создаваемые организации.

Однако ход исторических событий в России не позволил на практике реализовать результаты законодательной деятельности Временного правительства. Действительно, большинство нововведений не удалось осуществить, для чего имелся целый ряд причин: времени для проведения в жизнь законодательных актов оказалось недостаточно, территория страны была огромной, Россия продолжала оставаться воюющей страной и т. д.

В 1917 г., еще до введения новых законодательных актов, некоторые научные общества по собственной инициативе провели пересмотр своих уставов. Русское историческое общество сразу после Февральской революции, изменив свой устав, в частности вычеркнув из своего названия титул «Императорское», перерегистрировалось 27 апреля 1917 г. в Министерстве народного просвещения⁴³. Совет Русского общества любителей мироведения, в свою очередь, в июне избрал особую комиссию для переработки устава организации «ввиду изменившихся общественно-политических условий и предстоящего издания нового закона об обществах и союзах»⁴⁴. 25 сентября Совет одобрил и разослал членам общества выработанный комиссией проект изменений устава. Утверждение нового уставного документа должно было состояться через два месяца⁴⁵, т. е. 25 ноября 1917 г. Члены Императорского Санкт-Петербургского минералогического общества также на одном из заседаний 1917 г. подняли вопрос о смене названия, предложив такие варианты, как Русское минералогическое общество, Российское минералогическое общество и др. Однако окончательное решение в тот период так и не приняли ввиду отсутствия единого мнения. Только 5 января 1919 г. Общее собрание утвердило наименование «Российское минералогическое общество»⁴⁶.

Финансовые трудности научных обществ. Нельзя не остановиться на финансовом аспекте существования научных обществ в 1917 г. Согласно дореволюционному законодательству, такие общества обязаны были хранить свои денежные средства в виде процентных бумаг как «правительственных», так и «гарантированных правительством городских и земских кредитных» учреждений. Денежные суммы также могли быть «помещаемы для приращения процентами» в местные государственные кредитные учреждения или, «с надлежащего разрешения», в частные⁴⁷. Многие научные общества столицы Российской империи обладали крупными капиталами, которые складывались, как правило, из членских взносов и частных пожертвований. Например, средства Русского технического общества находились в Государственном и Волго-Камском банках⁴⁸, Русское общество любителей мироведения хранило свои средства в Государственной сберегательной кассе и в Обществе взаимного кредита Петроградского уездного земства⁴⁹, Российское минералогическое общество имело вклад под проценты в Государственном банке⁵⁰ и т. д.

Некоторые научные общества Петрограда получали также субсидии от государства. Например, Министерство народного просвещения выдавало Императорскому русскому историческому обществу 8 тыс. руб. в год «на издание

памятников дипломатических сношений древней России с иностранными державами»⁵¹, а также 15 тыс. руб. в год из кассы Министерства Императорского двора на издание «Русского биографического словаря»⁵². Созданное в годы войны Русское ботаническое общество на 1916 г. получило от государства ассигнование в размере 3 тыс. руб., а смета на 1917 г. была составлена на сумму 25 тыс. руб.⁵³

Последние подобные выплаты от царского правительства научным обществам поступили в начале 1917 г. В частности, Русское палеонтологическое общество от Министерства народного просвещения получило 3 тыс. руб.⁵⁴ Русскому обществу любителей мироведения также были выплачены назначенные ему в декабре 1916 г. 1500 руб. «на расходы по изданию печатного органа и пополнению библиотеки»⁵⁵.

После смены власти многим научным обществам удалось договориться с Временным правительством о ежегодных субсидиях. Русскому палеонтологическому обществу, например, была обещана субсидия 5 тыс. руб. в год⁵⁶, а Обществу российских физиологов им И. М. Сеченова на издание журнала была одобрена субсидия в 10 тыс. руб.⁵⁷ В июне 1917 г. из кредитов Министерства народного просвещения Русскому археологическому обществу было выдано пособие в размере 10 тыс. руб. для «снаряжения экспедиции в Ванскую область»⁵⁸.

Кроме того, в ведение Комиссии по ученым учреждениям и предприятиям, возглавлявшейся В. И. Вернадским, помимо прочего, входило решение некоторых вопросов «упорядочения распределения средств, имеющихся в распоряжении Министерства народного просвещения, на нужды ученых обществ, учреждений и предприятий»⁵⁹, что также свидетельствовало об изменении финансовой политики по отношению к научным организациям. На заседаниях рассматривались вопросы об увеличении «пособий обществам естествоиспытателей и другим ученым обществам»⁶⁰. В частности, на заседании 23 июня 1917 г. было решено выделить 75 тыс. 900 руб. на субсидии научным обществам на издание трудов и «отдельные научные предприятия»⁶¹. Таким образом, некоторые ходатайства о денежных пособиях научным обществам были поддержаны.

Большевики, придя к власти, отменили все предшествующее законодательство и начали создавать собственное. Новые законы изменили прежде всего материальные основы функционирования научных обществ. Вследствие действия декрета Всероссийского центрального исполнительного комитета «О национализации банков»⁶², принятого 14 (27) декабря 1917 г., и дополненного его декрета Совета народных комиссаров «О конфискации акционерных капиталов бывших частных банков»⁶³, опубликованного 26 января (8 февраля) 1918 г., научные общества лишились хранившихся в банках капиталов. В условиях отсутствия денежных средств научные общества стали обращаться за субсидиями к советской власти. Народный комиссариат просвещения (Наркомпрос), ставший преемником Министерства народного просвещения Временного правительства, уже в первые месяцы своей деятельности в 1917 г. нашел возможность выделить деньги 42 общественно-научным организациям

Петрограда⁶⁴. Субсидии составляли суммы от 500 руб. (столько получило Философское общество при Петроградском университете) до 17 тыс. руб. (размер средств, выделенных Русскому физико-химическому обществу). Крупным организациям выделялись достаточно значительные суммы: Русское географическое общество получило 6 тыс. 600 руб., Русское ботаническое общество 12 тыс. руб., Русское археологическое общество 2 тыс. руб., Русское астрономическое общество 7 тыс. 600 руб. Восемь научных журналов также получили государственное финансирование.

Таким образом, несмотря на тяжелое экономическое положение в стране, которая продолжала участие в войне, власть находила целесообразным поддерживать деятельность научных обществ, назначая им субсидии и оказывая помощь в решении хозяйственных вопросов.

Деятельность научных обществ в 1917 г. Организационные инициативы в тот период часто исходили и от самих научных обществ. Научная интеллигенция, видя поддержку, которая оказывалась Временным правительством научным учреждениям, стремилась использовать сложившуюся ситуацию для решения задач развития науки и образования. Так, Русское общество любителей мироведения предложило: «устроить в начале мая с[его] г[ода] Организационное собрание представителей петроградских научных обществ для учреждения Союза научных обществ»⁶⁵. Это мероприятие состоялось 13 мая 1917 г., причем на нем присутствовали представители более 20 научных организаций, в том числе Русского географического, Петроградского микробиологического обществ, Исторического общества при Петроградском университете, Русского энтомологического, Русского палеонтологического обществ, Общества библиотекосведения, Антропологического общества при Петроградском университете и др.⁶⁶ Председателем собрания был известный историк, член-корреспондент Санкт-Петербургской академии наук Н. И. Кареев, обязанности секретаря исполнял представитель Общества любителей мироведения астроном С. В. Муратов.

Предполагалось, что целью Союза научных обществ станет «объединение научных и просветительных организаций для более близкого ознакомления друг с другом, широкого участия в общественной жизни страны, более успешного, при совместной работе, проведения в жизнь общих и отдельных задач каждого общества, широкой популяризации и распространения научных знаний в стране, участия, через представителей, в разработке научных и просветительных задач, поставленных правительством и общественными учреждениями»⁶⁷. На заседании было избрано временное бюро союза для выработки устава и сношений с другими организациями. В его состав вошли географ В. П. Буданов (Педагогический музей военно-учебных заведений), библиографы П. М. Богданов и Н. А. Королев (оба представители Общества библиотекосведения) и химик Н. Э. Сум (секретарь фотографической секции Русского общества любителей мироведения). Председателем временного бюро стал Н. А. Морозов (глава Русского общества любителей мироведения). Товарищем председателя избрали А. Н. Кремлева из Общества распространения научных знаний, а секретарем — С. В. Муратова. На собрании было также высказано

предложение о создании в Петрограде Дворца научных обществ, «который, будучи государственной собственностью, объединял бы под своим кровом все научные и просветительные организации Петрограда, служил бы постоянным помещением для съездов ученых, вмещал бы в себе музеи, коллекции и библиотеки и т. д.»⁶⁸. Эти проекты убедительно свидетельствуют о том, что ученые были воодушевлены идеей свободной общественной коллаборации. К сожалению, научным обществам не удалось реализовать намеченные тогда проекты.

Научные общества Петрограда неоднократно обращались к Временному правительству с инициативами и предложениями, которые имели большое практическое значение. Так, Русское общество любителей мироведения ходатайствовало «наряду с другими неотложными реформами ввести в России новый стиль»⁶⁹, т. е. предлагало переход страны на григорианский календарь, по которому жила в то время уже вся Европа. Однако, как известно, данная реформа была проведена в жизнь только в 1918 г. правительством В. И. Ленина.

Другим предложением, которое было одобрено 21 марта 1917 г. Общим собранием Русского общества любителей мироведения, стало предложение о введении в России летнего времени, так как «в большинстве городов России так остро ощущается недостаток топлива»⁷⁰. Примечательно, что незадолго до этого, 4 марта 1917 г., проект известного популяризатора науки Я. И. Перельмана «О переводе часовой стрелки, как мере к сбережению топлива для освещения» также поступил в правительство⁷¹. Это показывает, что необходимость реформы уже полностью осознавалась научным сообществом. Летнее время было введено специальным постановлением Временного правительства от 27 июня 1917 г. «Об исчислении летнего времени на один час вперед»⁷². Об этом также сообщалось и на страницах «Известий Русского общества любителей мироведения»: «Временным правительством постановлено перевести все часы в России с 11 час[ов] ночи 30 июня по 12 час[ов] ночи 31 августа 1917 г. на один час вперед («летнее время»), с тем чтобы мера эта в 1918 г. была осуществлена с 1 марта по 1 сентября»⁷³.

Революционные события внесли большие изменения в деятельность научных обществ столицы. Традиционно собрания большинства подобных организаций проходили поздно вечером. Начинаясь не ранее 19:00, заканчивались они часто после полуночи. Из-за ухудшения криминальной обстановки в Петрограде в первые месяцы после Февральской революции подобное расписание работы научных обществ становилось труднореализуемым, так как на улицах было небезопасно. Прежняя правоохранительная система оказалась разрушена в дни революции явочным порядком, восставшие солдаты и толпы народа вымещали свое озлобление против царского режима на его слугах: громили полицейские участки, жгли архивы полиции, отлавливали и убивали городских, жандармов, агентов сыска⁷⁴.

Кроме того, из-за паралича городского транспорта даже простое перемещение по городу стало проблематичным. Трамвайный парк города не обновлялся, ремонт сломавшихся вагонов не производился, «до 40 % вагонов стояли в парках из-за недостатка рабочей силы и запасных частей»⁷⁵. Гужевой транспорт был не в состоянии решить эту проблему: лошади умирали от истощения

из-за отсутствия корма. Подобная транспортная ситуация после 1917 г. сохранялась в Петрограде на протяжении ряда лет. Так, члены Русского технического общества, значительная часть которых проживала на Васильевском острове, даже в 1920 г. не могли посещать по этой причине заседания в помещениях общества, находившихся в Соляном городке⁷⁶.

Тяжелые условия военного времени, революционные преобразования и недостаточное финансирование вынуждали научные общества значительно сократить масштабы своей деятельности. Доступной формой работы в условиях революционного научного быта оставались только заседания, которые после Февральской революции преимущественно были перенесены на дневное время в целях безопасности. Заседания выполняли главным образом информационную функцию в отсутствие возможности получать научную литературу из-за границы, а также вследствие значительного сокращения объема отечественных научных публикаций.

В 1917 г. Русское общество любителей мироведения провело 9 общих собраний. Заседания проходили, как правило, в помещениях консерватории или в Петроградской ботанической лаборатории по вечерам⁷⁷. У Русского ботанического общества в течение революционного года состоялись только 3 общих собрания: 11 января, 22 февраля и 3 мая⁷⁸, в Русском астрономическом обществе в 1917 г. их было 4⁷⁹. Философское общество при Петроградском университете в 1917 г. успело собраться только один раз — 9 февраля в Зале совета Петроградского университета. На этом собрании был заслушан доклад известного физиолога, профессора В. М. Бехтерева «Строго объективный метод в изучении нервно-психической деятельности и его роль в обосновании рефлексологии человека»⁸⁰, а также состоялись выборы новых членов. Русское палеонтологическое общество организовало 5 общих собраний, на которых было сделано 14 научных докладов. Кроме того, состоялось 7 заседаний Совета общества, которые проходили в помещениях Горного института и Геологического комитета⁸¹.

Следует сказать и об одной из самых печальных характерных черт революционной жизни петроградских научных обществ — значительном сокращении как количества самих организаций, так и числа их членов. Дело в том, что многие ученые уезжали из голодного Петрограда в провинциальные города, надеясь там «подкормиться», другие погибали в гущу революционной борьбы, а также вследствие голода и болезней. На заседании Отделения зоологии и физиологии Общества естествоиспытателей при Петроградском университете 16 марта 1917 г. было объявлено о смерти трех членов общества: Е. А. Шульца, Н. Ю. Зографа и Д. Н. Зернова⁸². В октябре 1917 г. скончался председатель Русского астрономического общества Г. В. Левицкий⁸³. В конце года «вследствие тяжелых для здоровья условий» умер председатель Отделения статистики Русского географического общества Д. П. Семенов-Тянь-Шанский, а через год по тем же причинам скончался товарищ председателя этого же отделения В. В. Морачевский⁸⁴. Людские потери понесло и Русское палеонтологическое общество⁸⁵.

Однако численный состав петроградских научных обществ всероссийского масштаба все еще оставался значительным. Самым многочисленным из научных обществ в 1917 г. было Русское географическое общество, в котором состояло 1446 членов. Более тысячи человек (1146) входило в Русское техническое общество. Относительно малочисленными научными организациями были, что закономерно, узкоспециализированные Общество психиатров (152), Общество гражданских инженеров (176), Российское микробиологическое общество (149) и т. п. Среднюю позицию по численности занимали такие общества, как Русское физико-химическое общество (480 членов), Русское общество любителей мироведения (401 член). Российское минералогическое общество включало в течение 1917 г. от 408 до 481 чел., Общество естествоиспытателей при Петроградском университете — 456 чел., Русское астрономическое общество — 307 чел.⁸⁶ В целом к 1 января 1918 г. в Петрограде насчитывалось 55 научных обществ⁸⁷.

Заключение. В революционных потрясениях 1917 г. ученым, несмотря на все трудности, удалось сохранить такую важную форму организации науки, как научные общества. Смена государственной власти и происходящие в жизни страны изменения заставляли научные общества адаптироваться к новым условиям, находить возможности выживания в новой исторической ситуации. Естественно, члены научных обществ не могли оставаться равнодушными к происходившим событиям, но приоритет отдавался научной работе, поэтому лидерами научных обществ была выбрана стратегия сотрудничества со сменяющейся властью. Приходилось прилагать немало усилий для обеспечения функционирования научных обществ в условиях социально-политического и экономического кризиса. Научным обществам удалось наладить диалог с властью, которая, в свою очередь, находила целесообразным поддерживать их материально и финансово. Представителей научных обществ власти привлекали к экспертной деятельности, поддерживая тем самым преемственность проводимых исследований и форм организации науки.

¹ См., напр.: *Graham L. R.*: 1) *The Soviet Academy of Sciences and the Communist Party, 1927–1932*. New Jersey, 1967; 2) *The Foundation of Soviet Research Institutes: A Combination of Research Innovation and International Borrowing // Social Studies of Science*. 1975. No. 5. P. 303–329; *Fitzpatrick S.* *The Commissariat of Enlightenment: Soviet Organization of Education and the Arts under Lunacharsky, October 1917–1921*. Cambridge, 1970; *Бастракова М. С.* Становление советской системы организации науки, 1917–1922. М., 1973; *Bailes K. E.* *Technology and Society under Lenin and Stalin: Origins of the Soviet Technical Intelligentsia, 1917–1941*. Princeton, NJ, 1978; *Беляев Е. А.* КПСС и организация науки в СССР. М., 1982; *Купайгородская А. С.* Высшая школа Ленинграда в первые годы Советской власти, 1917–1925. Л., 1984; *Алексеев П. В.* Революция и научная интеллигенция. М., 1987; *Read C.* *Culture and Power in Revolutionary Russia: The Intelligentsia and the Transition from Tsarism to Communism*. New York, 1990; *Josephson Paul R.* *Physics and Politics in Revolutionary Russia*. Berkeley, 1991; *Есаков В. Д.* От Императорской к Российской: Академия наук в 1917 году // *Отечественная история*. 1994. № 6. С. 120–132; *Brooks Nathan M.* *Chemistry in War, Revolution, and Upheaval: Russia and the Soviet Union, 1900–1929 // Centaurus*. 1997. No. 39. P. 349–367; *Курепин А. А.* Наука и власть в Ленинграде. 1917–1937. СПб., 2003; *Kojevnikov A.* *Dialogue about Knowledge and Power in Totalitarian Po-*

litical Culture // *Stalin's Great Science*. London, 2004. P. 276–300; *Hirsch F.* Empire of Nations: Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union. Ithaca, NY, 2005; *Finkel S.* On the Ideological Front: The Russian Intelligentsia and the Making of the Soviet Public Sphere. New Haven, 2007. — Только одна статья посвящена непосредственно положению научных обществ в годы социально-политического и экономического кризиса: *Bradley J.* Associations in Times of Political Turmoil: Science Societies and the Bolshevik Regime, 1917–1922 // *Russia's Home Front in War and Revolution, 1914–1922. Book 2: The Experience of War and Revolution*. Bloomington, IN, 2016. P. 137–172.

² *Колчинский Э. И.*: 1) Академия наук и русские революции 1917 года // *Вестник Российской академии наук*. 2017. Т. 87, № 2. С. 166–176; 2) Первенствующее научное сословие в 1917 г.: от империи к советам // *Клио*. 2017. № 10 (130). С. 145–155; 3) Великая российская революция и реформы Академии наук // *Концепт Великой российской революции: современные историографические и общественно-политические дискуссии: мат-лы междунар. науч.-образ. конф., 5–6 октября 2017 г., Санкт-Петербург*. СПб., 2018. С. 60–68; 4) Академия наук в турбулентном поле революции 1917 г. // *Политическая концептология: журнал междисциплинарных исследований*. 2018. № 2. С. 81–99; и др.

³ См., напр.: *Соловьев С. П.* Всесоюзное минералогическое общество и его роль в развитии геологических наук. К 150-летию со дня основания (1817–1967). Л., 1967; *Кричко В. А.* Продолжая традиции... (к 125-летию Русского технического общества). М., 1991; *Очерки по истории Санкт-Петербургского общества естествоиспытателей (125 лет со дня основания)*. СПб., 1993 (Труды Санкт-Петербургского общества естествоиспытателей. Т. 91. Вып. 1); *Акулин В. Н., Самылов О. В.* Философское общество при Санкт-Петербургском университете (1897–1923). Новосибирск, 1994; *Агафонов Н. Т.* Русское географическое общество. 150 лет. М., 1995; *Жамойда А. И.* Три тридцатилетия Палеонтологического общества // *Палеонтологический журнал*. 2006. № 6. С. 100–110; *Жамойда А. И., Алексеев А. С., Розанов А. Ю., Суяркова А. А.* Палеонтологическому обществу России — 100 лет. Исторический очерк. СПб., 2016; *Камелин Р. В.* Русскому ботаническому обществу — 100 лет // *Ботанический журнал*. 2016. Т. 101, № 1. С. 3–12; 200 лет Российскому минералогическому обществу. Исторический сборник. СПб., 2017; и др.

⁴ См. об этом: *Колчинский Э. И.* Российские ученые в поисках путей переустройства российского общества // *Биология Германии и России-СССР в условиях социально-политических кризисов первой половины XX века (между либерализмом, коммунизмом и национал-социализмом)*. СПб., 2006. С. 170–171.

⁵ Основные нужды русской промышленности. Доклад комиссии по промышленности В. И. Ковалевского // *Записки Императорского русского технического общества*. 1916. № 5. С. 6–12.

⁶ Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (далее — СПбФ АРАН). Ф. 125. Оп. 1. Д. 65. Л. 45.

⁷ См. об этом: *Туманова А. С.* Рецепция европейского права в формировании законодательных основ функционирования общественных организаций в Российской империи // *Гражданское общество в России и за рубежом*. 2011. № 1. С. 36.

⁸ Извлечение из протоколов заседаний Академии наук. Общее собрание. Экстраординарное IV заседание, 24 марта 1917 г. // *Известия Академии наук*. 1917. № 11. С. 739.

⁹ Журнал 76-го годового общего собрания Русского общества любителей мироведения 21 марта 1917 г. // *Известия Русского общества любителей мироведения*. 1917. Т. 6, № 2 (26). 1917. С. 143.

¹⁰ Там же. С. 145.

¹¹ СПбФ АРАН. Ф. 125. Оп. 1. Д. 71. Л. 19.

¹² Там же. Л. 20 об.

¹³ *Изгоев А. С.* Пять лет в Советской России // *Архив русской революции*. М., 1991. Т. 10. С. 20.

¹⁴ СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1 а-1917. Д. 164. Л. 148–148 об.

¹⁵ Там же. Л. 149–149 об.

¹⁶ *Стеклов В. А.* Переписка с отечественными математиками. Воспоминания. Л., 1991. С. 287.

- ¹⁷ *Соболев В. С.* Нести священное бремя прошедшего: Российская академия наук: Национальное культурное и научное наследие. 1880–1930 гг. СПб., 2012. С. 111.
- ¹⁸ *Колчинский Э. И.* Академия наук в турбулентном поле революции 1917 г. С. 95.
- ¹⁹ Журнал 80-го общего собрания Русского общества любителей мироведения 27 октября 1917 г. // Известия Русского общества любителей мироведения. 1917. Т. 6, № 6 (30). С. 319–320.
- ²⁰ Там же. С. 322.
- ²¹ Хроника // Там же. С. 325.
- ²² Там же.
- ²³ Протокол годовичного собрания Русского ботанического общества от 2 февраля 1918 г. // Журнал Русского ботанического общества при Академии наук. 1917. Т. 2. № 3–4. С. 35.
- ²⁴ Вестник Временного правительства. 1917. 27 мая.
- ²⁵ Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (далее — ЦГА СПб). Ф. 2555. Оп. 1. Д. 70. Л. 1.
- ²⁶ Архив Российской академии наук. Ф. 518. Оп. 2. Д. 42. Л. 54–66, 69–75, 87–89, 94–95.
- ²⁷ Там же. Л. 2 об.—3 об.
- ²⁸ ЦГА СПб. Ф. 2555. Оп. 1. Д. 70. Л. 1, 2.
- ²⁹ Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 733. Оп. 156. Д. 766. Л. 6.
- ³⁰ Архив новейшей истории России. Серия «Публикации». Т. VIII. Журналы заседаний Временного правительства: март — октябрь 1917 года: в 4 т. Т. 2. Май — апрель 1917 года. М., 2002. С. 38.
- ³¹ Там же. С. 52.
- ³² Об утверждении Центрального врачебно-санитарного совета // Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем сенате (далее — СУ). 1917. № 183. Ст. 1037.
- ³³ Об утверждении Экономического совета и Главного комитета при Временном правительстве // СУ. 1917. № 182. Ст. 1015.
- ³⁴ См. об этом: *Филиппов Н. Г.* Научно-технические общества СССР (1917–1941). М., 1977. С. 9.
- ³⁵ ЦГА СПб. Ф. 2555. Оп. 1. Д. 180. Л. 6 об.
- ³⁶ Там же. Д. 61. Л. 7.
- ³⁷ Там же. Л. 18.
- ³⁸ О собраниях и союзах // СУ. 1917. № 98. Ст. 540.
- ³⁹ Там же.
- ⁴⁰ Там же.
- ⁴¹ О регистрации товариществ, обществ и союзов // СУ. 1917. № 165. Ст. 907.
- ⁴² Там же.
- ⁴³ ЦГА СПб. Ф. 2555. Оп. 1. Д. 65. Л. 51а–51г.
- ⁴⁴ Хроника // Известия Русского общества любителей мироведения. 1917. Т. 6, № 3 (27). С. 192.
- ⁴⁵ Журнал 79-го общего собрания Русского общества любителей мироведения 29 сентября 1917 г. // Известия Русского общества любителей мироведения. 1917. Т. 6, № 6 (30). С. 318.
- ⁴⁶ Записки Российского минералогического общества. 1926. Ч. 55/1. С. 237.
- ⁴⁷ См. об этом: *Плато К. Г.* Положение о частных обществах, учреждаемых с разрешения Министерств, Губернаторов и Градоначальников. Рига, 1903. С. 5.
- ⁴⁸ ЦГА СПб. Ф. 2555. Оп. 1. Д. 58. Л. 134.
- ⁴⁹ Там же. Д. 59. Л. 13.
- ⁵⁰ Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. 2306. Оп. 19. Д. 56. Л. 1.
- ⁵¹ Там же. Д. 65. Л. 5.
- ⁵² Там же. Л. 5 об.
- ⁵³ Отчет о деятельности Временного Бюро // Журнал Русского ботанического общества. 1916. Т. 1. № 3–4. С. 22.

- ⁵⁴ Годовой отчет о деятельности Русского Палеонтологического общества за 1917 г. // Ежегодник Русского палеонтологического общества. Пг., 1918. Т. II. С. 128.
- ⁵⁵ Журнал 79-го общего собрания Русского общества любителей мироведения 29 сентября 1917 г. // Известия Русского общества любителей мироведения. 1917. Т. 6, № 6 (30). С. 317.
- ⁵⁶ Обыкновенное заседание 21-го декабря 1917 г. в помещении Геологического Комитета // Ежегодник Русского палеонтологического общества. Пг., 1918. Т. II. С. 135.
- ⁵⁷ ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 19. Д. 216. Л. 9.
- ⁵⁸ Архив новейшей истории России. Серия «Публикации». Т. VIII. Журналы заседаний Временного правительства: март — октябрь 1917 года: в 4 т. Т. 2. Май — апрель 1917 года. М., 2002. С. 313.
- ⁵⁹ ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 19. Д. 216. Л. 1.
- ⁶⁰ РГИА. Ф. 733. Оп. 156. Д. 766. Л. 4.
- ⁶¹ ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 2. Д. 140. Л. 2–3.
- ⁶² О национализации банков // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства (далее — СУ РСФСР). 1917. № 10. Ст. 150. С. 149–150.
- ⁶³ О конфискации акционерных капиталов бывших частных банков // СУ РСФСР. 1918. № 19. Ст. 295. С. 286–287.
- ⁶⁴ ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 19. Д. 236. Л. 4–8об.
- ⁶⁵ Хроника // Известия Русского общества любителей мироведения. 1917. Т. 6, № 2 (26). С. 148.
- ⁶⁶ Хроника // Там же. Т. 6, № 3 (27). С. 190.
- ⁶⁷ Там же. С. 191.
- ⁶⁸ Там же.
- ⁶⁹ Журнал 76-го годового общего собрания Русского общества любителей мироведения 21 марта 1917 г. // Известия Русского общества любителей мироведения. 1917. Т. 6, № 2 (26). С. 143–144.
- ⁷⁰ Там же. С. 144.
- ⁷¹ Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (далее — ЦГИА СПб). Ф. 92. Оп. 1. Д. 149.
- ⁷² Об исчислении летнего времени на один час вперед // СУ. 1917. № 183. Ст. 1043.
- ⁷³ Хроника // Известия Русского общества любителей мироведения. 1917. Т. 6, № 4 (28). С. 233.
- ⁷⁴ См. об этом: *Мусаев В. И.* Городская повседневность // Петроград на переломе эпох. Город и его жители в годы революции и Гражданской войны. М., 2013. С. 113.
- ⁷⁵ Петербургский трамвай: история и современность. СПб., 2007. С. 70.
- ⁷⁶ ЦГА СПб. Ф. 2555. Оп. 1. Д. 58. Л. 4.
- ⁷⁷ Журнал 74-го годового общего собрания Русского общества любителей мироведения 31 января 1917 г. // Известия Русского общества любителей мироведения. 1917. Т. 6, № 2 (26). С. 140–142; Журнал 75-го общего собрания Русского общества любителей мироведения 15 февраля 1917 г. // Там же. С. 142–143; Журнал 76-го годового общего собрания Русского общества любителей мироведения 21 марта 1917 г. // Там же. С. 143–145; и т. д.
- ⁷⁸ Отчет о деятельности Русского ботанического общества за 1917 г. // Журнал Русского ботанического общества при Академии наук. 1917. Т. 2, № 3–4. С. 36.
- ⁷⁹ *Луцкий В. К.* История астрономических общественных организаций в СССР (1888–1941 гг.). М., 1982. С. 91.
- ⁸⁰ ЦГИА СПб. Ф. 2265. Оп. 1. Д. 1201. Л. 4.
- ⁸¹ Годовой отчет о деятельности Русского Палеонтологического общества за 1917 г. // Ежегодник Русского палеонтологического общества. Пг., 1918. Т. II. С. 126–127.
- ⁸² Заседание Отделения зоологии и минералогии от 16 марта 1917 г. // Труды Петроградского общества естествоиспытателей. 1917. № 3–8. С. 25.
- ⁸³ Хроника // Известия Русского общества любителей мироведения. 1917. Т. 6, № 6 (30). С. 325.
- ⁸⁴ *Семенов-Тянь-Шанский В. П.* Отделение статистики Русского географического общества // Наука и ее работники. 1921. № 3. С. 22.

⁸⁵ Обыкновенное заседание 19-го ноября 1917 г. в помещении Геологического Комитета // Ежегодник Русского палеонтологического общества. Пг., 1918. Т. II. С. 133.

⁸⁶ ЦГА СПб. Ф. 2555. Оп. 1. Д. 272. Л. 22, 29, 40, 49, 60, 74, 96, 120, 125, 133, 136, 140.

⁸⁷ Подсчет произведен по справочнику: Наука в России. Справочник-ежегодник. Данные к 1 января 1918 г. Вып. 1. Пг., 1920.

Статья поступила в редакцию 25 января 2019 г.
Рекомендована в печать 14 ноября 2019 г.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Синельникова Е. Ф. Научные общества Петрограда и революция 1917 года // Новейшая история России. 2020. Т. 10, № 1. С. 20–38.
<https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2020.102>
УДК 94(47).084+061.22

Аннотация: В статье анализируется деятельность научных обществ Петрограда и их взаимоотношения со сменяющейся государственной властью в 1917 г. Характеризуются юридико-правовые, финансовые и бытовые аспекты функционирования научных обществ в условиях острого социально-политического и экономического кризиса. Исследование основано на различных по своему составу и содержанию источниках. Прежде всего, это законодательные и нормативные акты, которые были приняты Временным правительством и определяли процессы создания и функционирования научных обществ в 1917 г., закрепляли их права и обязанности, регулировали их отношения с властью. Большое значение для исследования имели и архивные документы, отложившиеся в результате деятельности как государственных органов, так и научных обществ, хранящиеся в Государственном архиве РФ, Российском государственном историческом архиве, Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга, Центральном государственном архиве Санкт-Петербурга, Архиве Российской академии наук и его Санкт-Петербургском филиале; многие из них вводятся в научный оборот впервые. Кроме того, автор привлек материалы периодических изданий научных обществ 1917–1918 гг. В статье показано, что научные общества в 1917 г. активно шли на сотрудничество с властью, а власть, в свою очередь, находила целесообразным поддерживать их деятельность, назначая им субсидии и оказывая помощь в решении хозяйственных проблем. В целом, несмотря на все тяготы, в этот сложный период истории ученым удалось сохранить такую важную форму организации науки, как научные общества.

Ключевые слова: научные общества, наука, революция, власть, кризис, Временное правительство, большевики, советская власть.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках научного проекта № 18-011-00730 «Самоорганизация Российской науки в годы кризиса: 1917–1922».

Сведения об авторе: Синельникова Е. Ф. — канд. ист. наук, ученый секретарь, Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН (Санкт-Петербург, Россия); sinelnikova-elena@yandex.ru

Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН, Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 5

FOR CITATION

Sinelnikova E. F. 'Petrograd's Scientific Societies and the Revolution of 1917', *Modern History of Russia*, vol. 10, no. 1, 2020, pp. 20–38. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2020.102>

Abstract: The article explores activities of Petrograd's scientific societies and their relations with changing state power in 1917, especially legal and financial aspects of their functioning and everyday life in the context of an acute

socio-political and economic crisis. The study uses different sources, in particular legislative and regulatory acts adopted by the Provisional Government to define procedures for the creation and functioning of such societies in 1917, fixing their rights and obligations and regulating their relations with the authorities. (These materials are housed in the State Archive of the Russian Federation, the Russian State Historical Archive, the Central State Historical Archive of St. Petersburg, the Central State Archive of St. Petersburg, and the Archive of the Russian Academy of Sciences and its St. Petersburg Branch.) The author also used materials from periodicals of scientific societies from 1917–1918. In 1917, scientific societies actively cooperated with the authorities, and the authorities in turn found it expedient to support their activities, assigning subsidies assisting in solving economic issues. Despite difficulties, scholars in that crucial period of history managed to preserve these societies as important organizational forms for pursuing scholarship. This study was funded by RFBR according to the research project № 18-011-00730 (Self-Organization of the Russian Science in the years of crisis: 1917–1922).

Keywords: scientific societies, science, revolution, power, crisis, Provisional government, bolsheviks, Soviet power.

This research was supported by Russian Foundation for Basic Research, project no. 18-011-00730 "Self-organization of Russian science during the crisis: 1917–1922".

Author: *Sinelnikova E. F.* — PhD, Academic Secretary, St. Petersburg Branch of S. I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology of Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russia); sinelnikova-elena@yandex.ru

St. Petersburg Branch of S. I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology of Russian Academy of Sciences, 5, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russia

References:

- 200 years of the Russian Mineralogical Society. *Historical collection* (St. Petersburg, 2017). (In Russian)
- Agafonov N. T. *The Russian Geographical Society: 150 years* (Moscow, 1995). (In Russian)
- Akulin V. N., Samylov O. V. *The Philosophical Society at St. Petersburg University (1897–1923)* (Novosibirsk, 1994). (In Russian)
- Alekseev P. V. *Revolution and the scientific intelligentsia* (Moscow, 1987). (In Russian)
- Bailes K. E. *Technology and Society under Lenin and Stalin: Origins of the Soviet Technical Intelligentsia, 1917–1941* (Princeton, 1978).
- Bastrakova M. S. *The formation of the Soviet system of organization of science, 1917–1922* (Moscow, 1973). (In Russian)
- Beliaev E. A. *CPSU and the organization of science in the USSR* (Moscow, 1982). (In Russian)
- Bradley J. 'Associations in Times of Political Turmoil: Science Societies and the Bolshevik Regime, 1917–1922', *Russia's Home Front in War and Revolution, 1914–1922. Book 2: The Experience of War and Revolution* (Bloomington, 2016).
- Brooks N. M. 'Chemistry in War, Revolution, and Upheaval: Russia and the Soviet Union, 1900–1929', *Centaurus*, no. 39, 1997.
- Filippov N. G. *Scientific and technical societies of the USSR (1917–1941)* (Moscow, 1977). (In Russian)
- Finkel S. *On the Ideological Front: The Russian Intelligentsia and the Making of the Soviet Public Sphere* (New Haven, 2007).
- Fitzpatrick S. *The Commissariat of Enlightenment: Soviet Organization of Education and the Arts under Lunacharsky, October 1917–1921* (Cambridge, 1970).
- Graham L. R. 'The Foundation of Soviet Research Institutes: A Combination of Research Innovation and International Borrowing', *Social Studies of Science*, no. 5, 1975.
- Graham L. R. *The Soviet Academy of Sciences and the Communist Party, 1927–1932* (New Jersey, 1967).
- Hirsch F. *Empire of Nations: Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union* (Ithaca, 2005).
- Josephson P. R. *Physics and Politics in Revolutionary Russia* (Berkeley, 1991).
- Kamelin R. V. 'The Russian Botanical Society — 100th Anniversary', *Botanicheskii zhurnal*, vol. 101, no. 1, 2016. (In Russian)
- Kojevnikov A. 'Dialogue about Knowledge and Power', *Totalitarian Political Culture in Stalin's Great Science* (London, 2004).

- Kolchinskii E. I. 'Academy of Sciences and Russian Revolutions of 1917', *Vestnik Rossiiskoi akademii nauk*, vol. 87, no. 2, 2017. (In Russian)
- Kolchinskii E. I. 'Superior Scientific Class in 1917: From the Empire to the Soviets', *Klio*, no. 10 (130), 2017. (In Russian)
- Kolchinskii E. I. 'The Great Russian Revolution and Reforms of the Academy of Sciences', *Kontsept Velikoi rossiiskoi revoliutsii: sovremennye istoriograficheskie i obshchestvenno-politicheskie diskussii: materialy mezhdunarodnoi nauchno-obrazovatel'noi konferentsii, 5–6 oktiabria 2017 g. Sankt-Peterburg* (St. Petersburg, 2018). (In Russian)
- Kolchinskii E. I. 'Academy of Sciences at the turbulent pole of the 1917 revolution', *Politicheskaia kontseptologiya*, no. 2, 2018. (In Russian)
- Kolchinskii E. I. 'Russian scientists in search of the Ways of the Reorganization of the Russian Society', *The Biology of Germany and Russia — the USSR in the context of socio-political crises of the first half of the 20th century (between liberalism, communism-nationality and the nation)* (St. Petersburg, 2006). (In Russian)
- Krichko V. A. *Continuing traditionhes... (To the 125th anniversary of the Russian Technical Society)* (Moscow, 1991). (In Russian)
- Kupaigorodskaja A. S. *Higher school of Leningrad in the early years of Soviet power, 1917–1925*. (Leningrad, 1984). (In Russian)
- Kurepin A. A. *Science and Power in Leningrad. 1917–1937* (St. Petersburg, 2003). (In Russian)
- Lutskii V. K. *History of astronomical public organizations in the USSR (1888–1941)* (Moscow, 1982). (In Russian)
- Musaev V. I. 'Urban daily life', *Petrograd na perelome epokh. Gorod i ego zhiteli v gody revolyutsii i Grazhdanskoi voiny* (Moscow, 2013). (In Russian)
- Essays on the history of the St. Petersburg Society of Naturalists (125 years since its foundation)* (St. Petersburg, 1993). (In Russian)
- Petersburg tram: history and modernity* (St. Petersburg, 2007). (In Russian)
- Read C. *Culture and Power in Revolutionary Russia: The Intelligentsia and the Transition from Tsarism to Communism* (New York, 1990).
- Sobolev V. S. *Carry the sacred time of the past: Russian Academy of Sciences: National cultural and scientific heritage. 1880–1930* (St. Petersburg, 2012). (In Russian)
- Solov'ev S. P. *The All-Union Mineralogical Society and its role in the development of geological sciences. To the 150th anniversary of its founding (1817–1967)* (Leningrad, 1967). (In Russian)
- Tumanova A. S. 'Reception of European law in the formation of the legislative framework for the functioning of public organizations in the Russian Empire', *Grazhdanskoe obshchestvo v Rossii i za rubezhom*, no. 1 2011. (In Russian)
- Esakov V. D. 'From Imperial to Russian: Academy of Sciences in 1917', *Otechestvennaia istoriia*, no. 6, 1994. (In Russian)
- Zhamoida A. I. 'Three Thirty Years of the Paleontological Society', *Paleontologicheskii zhurnal*, no. 6, 2006. (In Russian)
- Zhamoida A. I., Alekseev A. S., Rozanov A. Y., Suiarkova A. A. *The Paleontological Society of Russia is 100 years old. Historical essay* (St. Petersburg, 2016). (In Russian)

Received: January 25, 2019

Accepted: November 14, 2019